

***

Может, Ганг и прекрасен, но Чёрное море – моё...
До последней песчинки, до самого тихого плеска...
Вот сижу я на пирсе, в руках моих – светлая леска,
И ловлю я мечту, и никто не отнимет её.

В Ганге – мудрые воды, а рядом – брахманы в шелках
Свои мантры, ладони сомкнув, нараспев произносят...
Но я к морю иду моему, ведь меня ты не бросишь,
Моё Чёрное море, святые мои берега.

Не была я у Ганга, прости, я прописана здесь –
На безлюдном причале, под крик неживчивых чаек
Я прощаю себя, я дышу, начинаю сначала,
И лучи, словно хлебные крошки, слетают с небес.

***

Я хочу поверить красоте,
Как ребёнок молоку поверил...
Ведь даётся каждому по вере,
И лицо мерцает на холсте
Неразгаданное, в нежный плен
Нас берут черты его и складки,
И у этой тайны нет отгадки
Ни во мгле небес, ни на Земле.
Я хочу поверить красоте.
Если не поверю, что случится?
В жизнь мертвящий холод просочится,
Захлебнется сердце в пустоте.
И пойму вдруг – *некуда идти,*
Счастье, ты случилось не со мною...
Красоты дыхание живое –
Это всё, что есть в моей груди.

***

В мире может быть холодно, ты застегни пальто,
Выходя из мечты, тёплым шарфом окутай шею...
Здесь деревья вовсю, по-весеннему хорошеют,
Но старуха-печаль задевает меня зонтом.

Для чего нужна ненависть, кто бы мне объяснил,
Для чего чья-то дурь так черна, беспросветна, тщетна...
Если сотканы мы из сквозного, вешнего ветра,
Отчего мы враги для кого-то, поди спроси...

Мы, рождаясь, кричим не о том ли, что из воды
Выплываем на холод встревоженными мальками –
Из тепла, из любви, и хватаем воздух руками,
Чтоб укрыться от боли, от страха, от суеты.

***

Прилетит румяный Алконост,
Защебечет в утреннем тумане
Всё, что после бормотать под нос
Сам себе поэт, проснувшись, станет.

Он увидит в кружке молоко,
Он услышит горький дух ромашки,
И заставит позабыть покой
То, что птица подмешала в чашке.

В гулком царстве синих поездов,
В споре с законною тоскою
Он пойдёт искать её гнездо,
Словно, в самом деле, есть такое.

***

Вдруг камень остановит: «Подожди...»,
И тронув пальцем сизые прожилки,
Припомнишь то, как медленно дожди
В лихие превращаются снежинки,

Как постепенно наступает ночь,
Как подорожник тянет в небо стрелки...
Ну кто, скажи, сумеет мне помочь
Оставить спешку, суетливой белке?

И всё-таки смиряю быстрый шаг,
И смотрит дерево светло и строго...
Не для того ли мне дана душа,
Чтоб задержаться здесь ещё немного?

***

Права только вишня, цветущая всем вопреки
Приметам иным... Лепестки голубые слетают,
И птицы, как вещие духи, на ней обитают
Послушно и звонко, им спорить с такой – не с руки.

В ней соки весенние бродят вином молодым,
И можно её поломать, но убить – невозможно:
Ни этого светлого пламени, этой тревожной,
Таинственной неги, ни тихой её красоты.

Цветущего дерева слишком привычен сюжет
Солидному умнику, снова он мимо несётся...
Лишь божья коровка в цветке белоснежном пасётся,
И водит ладонью прохладной по веткам рассвет.

***

Я стану деревом в Твоём лесу,
Там, под землёй, нащупывая влагу,
Не превращусь ни в мачту, ни в бумагу,
А первый снег в ладонях понесу.

Ты так задумал, так Ты захотел,
Так свет зажжёт звезды, так стал ручьями...
Где старый филин ухает в печали,
Без слов, без снов я буду шелестеть

О том, как в теле тесно и темно,
О том, как сердца бабочка коснётся,
И март придёт, и первый лист проснётся,
И ветка вдруг покажется струной.

***

Как хочется поговорить с Ремарком
И, не пригубив терпкого вина,
В весне, в её свечении неярком,
Как в храме, засидеться дотемна.

Скользнуть по линиям его ладони
Лучом заката, встретить грустный взгляд,
И небо пить, подобно тёмной кроне,
И задавать вопросы невпопад.

Печаль – не трезвенник и не святоша,
И нам грехи отпустят облака...
На крылья ангелов так непохожа,
В моей руке лежит его рука.

И даже то, что он придуман мною,
Не опечалит и не отрезвит...
И старое, усталое, земное
Нам в души солнце кроткое глядит.

***

Попробуй, перепрыгни через лужу,
И полети – как просто, как светло...
В кармане ворох писем обнаружив
От Господа и – позабыв про зло.

Ты улетишь не дальше сизой тени,
И всё-таки – раскинув два крыла...
А письма после тысячи прочтений
Всё драгоценней, суть их – не зола.

Им не гореть в огне, не раствориться
В текучих водах... Досчитав до ста,
Летишь, а солнце в лужицу глядится
Ребёнком, не умеющим читать.

***

Ноевы голуби жёлтые зёрна клюют,
Зёрен немерено крошечных, времени много...
Что тебе чудится, голубь, летящий от Бога,
Голубь, летящий от Господа в наш уют?

Ной тихо тянет ладони, а значит не зря
Крылья прохладные зимнее небо кроили...
Нас разглядели, ты слышишь ли, нас не забыли,
Как свежевывавший снег два крыла сизаря.

Ты покорми его, если умеешь, с руки,
Ты различи его говор по нежной повадке.
Он так стремился к тебе, он летел без оглядки,
Зову послушный надежды твоей и тоски.

Если дожди прекратятся, то лишь оттого,
Что нам хватило терпенья, хватило доверья...
Лёгкие крылья распахнуты, светятся перья,
Знаешь, у нас кроме этого нет ничего.

СОКРАТ

Не покидай Афин, старик Сократ,
Умрёт тебя приговоривший к смерти,
А ты, слов не бросающий на ветер,
Лишь драгоценней станешь во сто крат.

Что чаша с ядом? Глупость, пустяки...
Ты, как ребёнок, сладко спишь в темнице
И смерти ждёшь... Тебя убьют тупицы,
Предатели, агуны и дураки.

Кто без тебя Афины уведёт
От пошлости, от лени, от проказы?
Старик молчит и, не вздохнув ни разу,
Глядит на нас и чашу с ядом пьёт.

***

Жаль тратить время на самые сладкие сны,
Прятаться в ночь, как в перчатку ладонь золотая,
В зыбком тумане причудливых образов таять,
Отданным быть на забаву случайной волны.

Если б глаза распахнуть широко навсегда,
Знать всё на свете, а если не всё, то отчасти...
Верить в цветка золотистого хрупкое счастье,
В света охапку, что нам посылает звезда.

И не бояться (возможно ль?) уже ничего,
Не возвращаться из дальних краёв на рассвете,
Если же Господа вдруг в тесной комнате встретить,
Тихо коснуться ладонью ладони Его.

***

Синий лёд колокольного звона,
Быстро тающий в пламени дня...
Этот миг – непоседа ворона,
Что притихла в руках у меня.

Чернокрыло нахохлясь, заснула,
Жёстким клювом души не дробя,
И тогда я ладонь протянула,
И чуть слышно коснулась Тебя.

А ворона во сне закричала,
А ворона открыла глаза...
А вороне приснилась сначала
Боль Земли, а потом – небеса.

***

Дерево уйдёт, оставив трепет
Листьев в чьём-то сердце золотом
Непонятный, словно детский лепет,
Рыжий пень исчезнет под песком.

Под слоями смеха и печали
И пока мы пили дней вино,
Мы его с тобой не замечали,
А теперь нам без него темно.

Да, конечно, прорастёт другое,
Да, конечно, горевать грешно...
Но такой звенящей тишиною
Нас уже не тронет ни одно.

***

Пока медитирует кошка о кротком луче
Февральского солнца, всё мудрому сердцу возможно –
Звучать незатейливой флейтой, не биться тревожно...
Пока наша жизнь вырастает из зимних вещей,
Возможно любое. И в нас прорастает трава,
Прости, что порою горька, и остра, и некстати...
Под курткой тяжёлой душа, как весеннее платье,
И шлейф за спиною летит, и не жмут рукава.
А впрочем, всё проще – на жёлтые клювы весны
Вот-вот поглядят небеса – благосклонно и ясно...
О чём я дышу? Не о том ли, что чуду причастна,
Что нас не забыли, что мы этой тайне нужны.

***

Впрок не выпить воды. Не шагнуть по лучу из сансары...
Ты останешься здесь – на усталом и пыльном шоссе –
Пробегать муравьём, молчаливую ношу спасая,
Искупав невесомое тело в дожде и росе.

Ты останешься здесь – одинокой, дрожащею жилкой
Суетливого города, кварца вкраплением, грехом
И тоскою... Зачем тебе ведать, какую из жизней
Можно всё изменить и проворным сбежать мотыльком?

Впрочем, если так лучше, лети, покидай – покидая,
Лёгок будь, словно пёстрым крылом, пожимая плечом...
Официант у кафе неподкупным застыл Гаутамой,
Вот откроет глаза, и предъявит единственный счёт.

***

Время пахнет сухою травой и предчувствием слов.
Но слова подождут. Надышаться б сухою травкою.
Вот синееет гора. Я не знаю, что там, за горою,
Я её не коснусь, я на ней не оставлю следов.

Только взгляд путешествует тихо и просто по ней.
Он по склонам летит. Как ему путешествовать просто –
По далёкой горе незнакомой огромного роста,
Не пугаясь холодных ветров, не касаясь камней.

Путешествую – в мире мечты. Что случится со мной?
Я не знаю, как сердце твоё излечить от испуга...
В небе облако – словно письмо от далёкого друга.